

Суворов В.В.

Отношение к тибетской медицине в российском обществе на рубеже XIX-XX веков*ГБОУ ВПО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России***Резюме**

В российском обществе на рубеже XIX-XX веков прослеживается двойственное отношение к тибетской медицине. С одной стороны наблюдается рост интереса к практике тибетской медицины, прежде всего со стороны столичного общества, с другой же - проявлялось негативное отношение к главному столичному специалисту по тибетской медицине П. Бадмаеву, деятельность которого противопоставлялась медицинским навыкам настоящих лам. При этом были и критические отзывы о тибетской медицине и ее возможностях.

Ключевые слова: тибетская медицина, П.А. Бадмаев, образ Востока

Интерес к восточным методам лечения, усилившийся на рубеже XIX – XX веков, оказывал заметное влияние и на отношение российского общества к Востоку в целом. Тибетская медицина, утвердившаяся как основная система знаний по поддержанию здоровья у буддистов, к началу XX века постепенно приобрела популярность и у части христианского населения, став, в том числе, объектом научных исследований. Как и многие другие элементы буддистской культуры, тибетская медицина усиливала интерес образованного общества к загадочному Востоку [9, с. 216-217]. Рассуждения о восточной медицине можно встретить в публицистических и научных работах, а также на страницах периодической печати.

О популярности тибетской медицины сообщает военный губернатор Забайкалья Б.К. Кукель, описывая деятельность в Петербурге бывшего настоятеля ламайского монастыря, принявшего крещение Сультима Бадмаева: «С высочайшего разрешения, ему было позволено лечить тибетскими травами и для применения своего способа ему отведена была особая палата в 1-м сухопутном госпитале. За свое удачное лечение Бадмаев получил чин титулярного советника, медаль (кажется, за спасение погибающих) и звание врача» [7, с. 419]. Данный способ лечения вызывал интерес среди населения Санкт-Петербурга, и, как сообщает Кукель, «в свое время наделал много шума и завоевал ему такую известность, что Бадмаева нередко приглашали в лучшие аристократические дома» [7, с. 419].

Более известный практик тибетской медицины «известный врач-бурят в Петербурге, лечивший тибетскими лекарствами и мечтавший водворить тибетскую медицину» [6, с. 38], П. А. Бадмаев приходился племянником бывшему ламе. Он имел в Санкт-Петербурге обширную практику, которой мог позавидовать любой нетибетский врач. О масштабах своей деятельности он сам сообщает в предисловии к своей книге: «С 1889 по 1896 год у меня было 169,834 посещения, причем отпущено 2.462,720 порошков» [1, с. [предисловие]]. Бадмаев отмечал в предисловии своей книги недостаточную изученность тибетской медицины: исследователи, «хотя и старались ознакомить образованный мир с тибетской медициной, но успели лишь в одном – это возбудить сомнение в научных ее положениях, а потому, быть может, и отняли у многих желание изучать эту область знания» [1, с. [предисловие]].

Выступая как один из основных методов лечения, тибетская медицина играла и важную роль в распространении буддизма среди языческого населения. Географ и путешественник П.К. Козлов отмечал, что «индо-тибетская медицина ... благодаря выработанной веками врачебной практике, основанной на строго опытным изучении природы органического и неорганического мира, до сих пор служила одним из главных орудий буддизма среди полукультурных народностей» [5, с. 94-95].

О достижениях тибетской медицины и ее социальном значении в восточных обществах в своих работах говорил и публицист, издатель с 1896 года газеты «Санкт-Петербургские ведомости» Э.Э. Ухтомский. Описывая свою поездку через Астраханскую губернию, князь отмечал значимость тибетской медицины для калмыков: «В астраханской калмыцкой степи – десятки кумирен, и с каждым годом число их возрастает. Значительная доля приходится на те, которые созданы в честь бога медицины Манла (по-тибетски), Оточи (по-монгольски), – по преданию современника и сподвижника Будды» [12, с. 21]. Князь обращает внимание на то, что искусство врачевания служило жречеству орудием влияния, поэтому русское начальство предпринимало попытки запретить ему лечить, что не исполнялось на деле. Ухтомский пишет, что «целесообразнее было бы хоть сколько-нибудь поощрять ознакомление с ламскими способами лечения», так как «основы его – индийско-эллинского происхождения и не лишены глубокого смысла» [12, с. 21]. Князь делает вывод о необходимости изучать особенности восточного врачевания: «Раз, что искоренить народную веру в учение Оточи пока невозможно, раньше чем бороться, проще узнать, в чем собственно оно заключается. А то вот уже скоро два века с половиною, как мы имеем дело с буддизмом в наших пределах и ничего почти толком не поняли в мировоззрении лам» [12, с. 21-22].

Характеризуя культуру Индии, Ухтомский обращает внимание на то, что «у нас распространено совершенно ошибочное мнение, будто индусы спокон века чужды естествознанию и настроены исключительно в умозрительно-отвлеченном направлении» [10. Ч. 3, с. 99]. Опровергая эту точку зрения, князь обращает внимание на роль врачей, которые «издавна пользовались в стране необычайным уважением за искусство» [10. Ч. 3, с. 99]. Ухтомский подчеркивает значительные достижения индийской медицины: «При походе Александра Македонского его войско встретило за Индом хорошо осведомленных медиков-туземцев. Им нечего было даже в то время заимствовать у эллинов. Местные хирурги многое проделывали, до чего европейские не додумались раньше XIX в. Напр. по части лечения ран и приращения носов темнокожие азиаты оказались чуть ли не учителями Европы через посредство англичан. Уже халифы Багдада, уже персияне пытались переводить и вникать в медицинские труды загималайского населения» [10. Ч. 3, с. 99]. Большое значение для распространения медицинских знаний имел буддизм: «Толчок расцвету этой гуманнейшей отрасли мироведения несомненно дал буддизм. Мудрый Асока в своих 14 эдиктах, иссеченных на скалах и столбах от Ориссы до Афганистана, предписывал везде врачевать и людей, и животных. Любвеобильные стремления в таком именно духе немало поспособствовали успеху веры Шакья-Муни в чужих краях. До сих пор сибирские ламы, сами того не подозревая, являются

целителями древнеиндийского типа, обязанными не только всячески помогать больным, но и относиться к ним словно к родным детям» [10. Ч. 3, с. 99].

Отмечая успехи восточной медицины, Ухтомский писал: «В данное время на острове [Яве], по правде сказать, меньше шансов заболеть от антигигиенических условий, чем в Европе и Америке. Туземцы знают достаточно средств против малярии, знахари-китайцы успешно лечат «белых» от таких недугов как дифтерит. Медицинская часть хорошо организована, смертоносность воздуха и воды, ужасы некогда свирепствовавших эпидемий отходят в область предания» [10. Ч. 4, с. 24].

Позднее Ухтомский писал что «Ламское искусство врачевания с его обширной литературой и чудесными результатами,— это знание, передаваемое с древних времен из рода в род, — также начинает интересовать Европу, в виду возможной, хотя и не доказанной связи (через Индию) с Египтом и Элладой» [11. с. 73]. Проводя аналогию с развитием врачевания в Древней Руси, Ухтомский писал: «Замечательно, что к числу церковных людей в древней Руси причисляется лечец — лекарь: это, конечно, потому, что при церквях жили лица, могущие подавать врачебную помощь, чтобы отучить новопросвещенных язычников от их обычая обращаться к знахарям и ворожеям». Также князь задается вопросом, «не заимствован ли нами встарь этот обычай со дней монгольского ига», отмечая, что «у северных буддистов есть такие medical men (омчи), которые по заветам своей веры издавна выступают, в качестве искусных врачей, на борьбу с дикостью необращенного еще в ламаизм соседнего населения и с его великими волхвами-шаманами» [11. с. 73]. Князь отмечает этический аспект буддийской медицины: «Туземные целители особенно привлекают тем, что, по требованиям религии, *лишь добрые, милосердные, безупречные ламы смеют практиковать с надеждой на успех*» [11. с. 74], «врачующие не любостыжательны и с бедных ничего не берут ни за консультацию, ни за лекарство» [11. с. 122].

Население Тибета с доверием относилось к «туземным врачам» — специалистам-ламам. Рассказывая о путешествии в столицу Тибета американца Уильяма Вудвила Рокхила, Ухтомский приводит его наблюдения над лечебными действиями лам: «... они берут больных за обе руки одновременно, ощупывая пульс и внимательно всматриваясь в лицо пациента. Задав два-три вопроса, лекаря достают снадобье из кожаных мешочков, в которых привозятся целебные порошки из Лхасы. Каждая доза измеряется маленькою серебряною ложечкой. ...Народ любит получать медицинские советы и охотно прибегает к различным снадобьям, исключительно тибетского происхождения, преимущественно из растительного царства» [11. с. 122].

В заметке, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», автор, некий врач Григорий Гордон, обращается к книге П. Бадмаева, отмечая, что во «Введении» книги попадаются интересные места: «Так на стр. XX читаем: «Изучая человека, тибетские врачи пришли к заключению, что самая мельчайшая частица в организме непременно занимает известное пространство». На странице XX того же «Введения» нас поразило очень оригинальное определение лекарства. «Лекарством, — говорит г. Бадмаев, — может называться все, что существует в мировом пространстве, включая сюда и самое пространство, раз только организм нуждается в нем»» [2]. Гордон приводит также цитаты, описывающие физиологические процессы, анатомию, строение мозга человека. Автор поднимает вопрос о допустимости совместного лечения пациента Бадмаевым и врачами больницы св. Николая Чудотворца. Гордон сообщает: «Некто г. Н.А. нападает в «Новом Времени» на врачей больницы для умалишенных св. Николая Чудотворца, потому что они не позволяют тибетскому врачу П. Бадмаеву пользоваться своими травами брата его, находящегося в этой больнице и страдающего прогрессивным параличом. Врачи эти давно отказались от этого больного и приговорили его к смерти, а г. Бадмаев борется его вылечить и, по словам г. Н. А., наверно сделал бы это, если бы... врачи больницы согласились допустить его к лечению больного... Таким образом, последний должен погибнуть, очевидно, только лишь благодаря их упрямству и жесткосердию». О Бадмаеве он говорит следующее: «Спрашивается кто же такой г. Бадмаев? В публике его называют тибетским врачом, и сам он тоже себя так называет. Признаюсь, мне уже давно хотелось хоть немного познакомиться с г. Бадмаевым, с тибетской медициной и его «системой лечения»; но я, как на зло, обладаю таким хорошим здоровьем, что до сих пор у меня не было ни малейшего основания обратиться к г. Бадмаеву за советом по поводу какого бы то ни было заболевания» [2].

В том же номере «Санкт-Петербургских ведомостей» было помещено «разъяснение» к описываемому вопросу. Автор заметки резко противопоставляет деятельность П. Бадмаева и врачебное искусство лам: «В достаточной уже мере своевременно оцененная нашей печатью брошюра-самореклама г. Б. ни в каком случае не должна и не может отождествляться с истинным знанием бескорыстно служащих человечеству лам, прямых обладателей древнейшего врачебного искусства» [4].

Автор отмечая, что «иностранцы ученые без всякой насмешки, а очень внимательно приглядываются не первый год к тибетской медицине», говорит о трудностях в научном изучении и постижении тибетской медицины: «Трудность изучения и понимания усугубляется для желающих в нее вникнуть неимоверной сложностью всего того, что при этом нужно осилить в области лингвистики, востоковедения в широчайшем смысле слова, истории религий и естествознания» [4]. Автор считает, что «специалист в одном направлении вовсе не компетентен в другом, так что к этой «тибетской медицине», тесно связанной с сокровеннейшими верованиями Востока, хоть и не подступайся...», при этом «умнейшие и искуснейшие ламы-врачи ... не в состоянии пока поделиться бесспорно ценными сведениями и средствами, которые в этот буддийский мир передались из тьмы веков и широко оправданы жизнью» [4].

Поэтому и отношение к врачам, практикующим тибетскую медицину, было соответствующим: «В результате [медики Запада] не видят основания верить «знахарству» разных халатников, а там паче монополиста «тибетской медицины», рискующего преблагополучно отправлять ad partes то того, то другого из наивных пациентов» [4].

В заметке обращается внимание на противоречие существующее в России: с одной стороны доктору Бадамаеву монополично разрешают «напускать на публику и на науку туман, напрасно только дискредитируя то монголо-тибетское вероучение и мировоззрение, которого он якобы является истолкователем», с другой же — «испытанным целителям из Забайкалья или Астраханской губ., несмотря на массу свидетельств от вылеченных страдальцев, лечение строго запрещено» [4]. При этом, образованное общество в России вполне объективно не интересуется их тысячелетней архаической религиозной культурой. В результате автор приходит к заключению: «Подобная аномалия, конечно, несправедлива, служа к выгоде одного привилегированного лица, благодаря своему европейскому образованию, лишнего, вдобавок, образовательного ламского ценза, что в конце концов только напрасно усиливает у нас предубеждение против достойной разностороннейшего исследования тибетской медицины» [4].

Позднее дискуссия о возможности применения восточной медицины продолжилась. В одной из статей была высказана точка зрения, что «изучение тибетской медицины не под силу отдельным лицам, поэтому нет основания ставить в укор врачам то, что они будто бы не хотят заниматься ею» [8]. При этом отмечалось: «Но у нас есть единственное в свете, по своей хорошей постановке дела, вполне компетентное для изучения медицинских наук учреждение – институт экспериментальной медицины, который мог бы обратить внимание на голос публики и серьезно заняться всесторонним изучением восточной медицины. Результатами этого изучения впоследствии воспользовались бы и врачи практики» [8].

Были и негативные отзывы о возможности лечения методами тибетской медицины. Доктор Е. Дьяченко писал в редакцию «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Как смешно было бы требовать, чтобы современные врачи учились греческой или арабской медицине и применяли ее на практике, так же смешно предлагать это по отношению к «тибетской» медицине» [3]. Более того Дьяченко считал, что «говорить о «тибетской» медицине, как о «стоящей на высокой ступени развития», противопоставляя ее современной научной медицине, можно только не зная этой научной медицины и не отдавая себе отчета в том отличии научного знания от эмпирического...» [3]

Таким образом, можно увидеть двойственное отношение в российском обществе к тибетской медицине. С одной стороны наблюдается рост интереса к практике тибетской медицины, прежде всего со стороны столичного общества, с другой же негативное отношение к главному столичному специалисту по тибетской медицине П. Бадмаеву, деятельность которого противопоставлялась медицинским навыкам настоящих лам. При этом интерес к тибетской медицине сопутствовал общему усилению интереса к буддистской культуре. Однако были и критические отзывы о тибетской медицине и ее возможностях.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01298

Литература

1. Бадмаев П.А. О системе врачебной науки Тибета. 1898. Вып.1. [предисловие]
2. Гордон Г. Правы ли врачи? // Санкт-Петербургские ведомости. 1(14) сентября, 1902 г. № 238.
3. Дьяченко Е. О значении «тибетской» медицины: Из писем в редакцию // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. № 258.
4. К вопросу // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. № 238.
5. Козлов П. К. Монголо-сычуаньская экспедиция. Последний период монголо-сычуаньской экспедиции русского географического общества; изменение программы деятельности // Козлов П.К. Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863-1963). М. АН СССР. 1963.
6. Корсаков В.В. В старом Пекине. Очерки из жизни в Китае. СПб. 1904.
7. Кукель Б. К. Из эпохи присоединения Приамурского Края // Исторический вестник. 1896. № 8.
8. Рамз. Еще о медицине // Санкт-Петербургские ведомости. 1902. № 255.
9. Суворов В.В. Восточная медицина как фактор увлечения Востоком в российском обществе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 3. С. 216-217.
10. Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб.; Лейпциг, 1895. Т. II. Ч. 3-4.
11. Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма. К походу англичан на Тибет. СПб., 1904.
12. Ухтомский Э.Э. От Калмыцкой степи до Бухары. СПб, 1891.